

Юрий Лотман

Комментарий к роману А С Пушкина 'Евгений Онегин'

Внутренняя хронология "Евгения Онегина".

В примечании к *ЕО* автор писал: "Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю" (VI, 193). Не придавая этому высказыванию слишком буквального значения, следует все же подчеркнуть его принципиальную важность: точность соотношенности событий романа с хронологией была сознательно противопоставлена *П* поэтике таких произведений, как "Бахчисарайский фонтан", в которых трудно пытаться приурочить действие (а вероятно, и не нужно) даже в пределах столетия. *ЕО*, если не считать десятой главы, не затрагивает исторических событий, однако автор явно рассчитывает на то, что читатель непосредственно знаком с атмосферой эпохи, без пояснений чувствует ее менявшееся не по годам, а по месяцам и неделям дыхание. Это придает внутренней хронологии романа исключительно большое значение, тем более что *П* подает читателю о ней не назойливые, но весьма определенные сигналы.

Опорной точкой является указание *П* в предисловии к отдельному изданию первой главы на то, что начало событий романа совпадает с концом 1819 г. (VI, 638). Сопоставляя с этой датой ряд указаний в тексте, мы получаем цепь основных дат.

1795 — год рождения Онегина.

В "Главе осьмой" сказано, что, когда Онегин после дуэли оставил свою деревню, ему было 26 лет:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов
(VIII, XII, 10–11).

Деревню он покинул в феврале — марте 1821 г. (см. ниже), следовательно, родился в 1795 г.; Бродский (с. 38) и Бонди приводят 1796 г., считая, что пушкинский текст должен истолковываться как указание на то, что герою шел двадцать шестой год). Текст не дает оснований для однозначного решения, хотя дата «1795» представляется более обоснованной. Таким образом, Онегин был ровесником А. С. Грибоедова и декабристов К. Ф. Рылеева, В. Ф. Раевского, Н. И. Лорера (все — 1795), Никиты Муравьева, Сергея

Муравьева-Апостола (оба — 1796). Он был моложе А. Н. Муравьева и П. А. Катенина (оба — 1792), П. П. Каверина и П. Я. Чаадаева (оба — 1794), но старше В. К. Кюхельбекера (1797), А. А. Дельвига (1798) и самого Пушкина (1799).

1803 — год рождения Ленского.

В январе 1821 г., когда Ленский погиб, ему было 18 лет. Это вытекает из размышлений Онегина:

пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно
(VI, X, 7–9).

1803 — вероятный год рождения Татьяны.

Летом 1820 г. Татьяне было 17 лет. См. возражения П Вяземскому 29 ноября 1824 г. в ответ на замечания относительно противоречий в письме Татьяны Онегину: "...письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной!" (XIII, 125).

Ольга, младшая сестра Татьяны, в 1820 г. была невестой Ленского.

По нормам той эпохи она, вероятнее всего, была несколько моложе его и одновременно ей не могло быть меньше 15 лет. Вероятнее всего, ей было 16 лет. Татьяна, видимо, была старше Ольги на год.

1811–1812 — окончание «ученья» Онегина и выход «в свет».

Отсчитывая время от зимы 1819 — весны 1820 гг. (времени действия первой главы), П пишет:

Вот, как убил он восемь лет,
Утрата жизни лучший цвет
(IV, IX, 13–14).

16-17 лет дворянский юноша заканчивал учение, чтобы вступить в службу или пуститься в свет. В записке "О народном воспитании" П писал, что в России образование дворянина "кончается на 16-летнем возрасте воспитанника" (XI, 44). Однако год-два, уже выезжая в свет, молодой человек все еще вел жизнь полуребенка, живя в родительском доме и не располагая собственными денежными средствами. Около 18 лет он полностью переходил на положение самостоятельного человека, получая от родителей выделенную ему сумму собственного годового бюджета. Видимо, около 1813 г., когда

Онегину исполнилось 18 лет, он зажил самостоятельно. На это указывает то, что, описывая "уединенный кабинет" (I, XXIII, 2) героя, автор указывает именно тот возраст Онегина, когда он покинул родительский кров, где в его распоряжении могли быть лишь детская и учебная комнаты, и завел себе модный

...кабинет

Философа в осьмнадцать лет
(I, XXIII, 13–14).

С 1817 (или 1818) г. по весну 1820 г. — пребывание Ленского в Геттингене.

Ленский отправился в университет, вероятно, 15 лет. Ср. в "Русском Пеламе" слова героя о том, что его решили отослать "в один из немецких Университетов... Мне тогда было 15 лет" (VIII, I, 417). Возвратился Ленский "в свою деревню в ту же пору" (II, VI, 1), что и Онегин, т. е. весной 1820 г. Таким образом, его пребывание в Германии совпало с выступлением А. С. Стурдзы против вольнодумства в немецких университетах (Стурдза написал в 1818 г. по поручению Александра I для членов Аахенского конгресса брошюру — донос на немецкие университеты, чем вызвал эпиграмму II "Холоп венчанного солдата...") и с террористическим актом студента Карла Занда, заколовшего 23 марта 1819 г. агента русского правительства Коцебу (см. стихотворение II "Кинжал").

Зима 1819 — весна 1820 гг. — время действия первой главы.

Начальная дата определяется указанием II в предисловии к отдельному изданию главы (VI, 638), конечная — указанием на то, что встреча героя и автора произошла в Петербурге в 1820 г., в период "белых ночей",

Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою
(I, XLVII, 2–3).

В строфах L и LI содержится намек на то, что отъезд героя в деревню был по времени близок к насильственному удалению II из Петербурга. II выехал в ссылку 6 мая 1820 г.

Лето 1820 г. — время действия второй и третьей глав.

В первой строфе второй главы упомянуты "нивы золотые" как деталь пейзажа первых дней пребывания Онегина в деревне. Озимые хлеба желтеют в северо-западных губерниях России в конце июня — начале

июля. В строфе XVI третьей главы упоминается пение соловья, в конце главы во время объяснения Онегина с Татьяной дворовые девушки собирают ягоды.

Лето — осень 1820 г. — время действия четвертой главы.

Глава начинается той же сценой в саду. В строфе XL говорится о начале осени ("Уж небо осенью дышало"), а в строфе XLII — о наступлении морозов ("И вот уже трещат морозы"). Это, конечно, ранние морозы. "Первые морозы назывались *Михайловские*, потом были *Введенские*" (Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, с. 124), по дням архистратига Михаила (8 ноября ст. ст.) и Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября ст. ст.).^[4]

Ночь со 2 на 3 января — 12 января 1821 — время действия пятой главы.

Начальная дата указана автором в первой строфе главы ("На третье в ночь"), конечная определена именинами Татьяны — днем великомученицы Татьяны.

25 декабря 1820 — 5 января 1821 — святочные праздники и гадания в доме Лариных.

Гадания, описанные в пятой главе, происходят между ночами на 4 января (упомянут снег — "Чу... снег хрустит" — V, IX, 9, а снег выпал лишь "на третье в ночь" — V, I, 5) и на 6 января 1821 г., т. е. в т. н. "страшные вечера" (между Васильевым днем и Крещением).

Ночь с 5 на 6 января — сон Татьяны.

Сон не мог быть ранее 4 января (см. выше) и позже 6: он связан с гаданиями святочного цикла (см. с. 262–269), которые прекращались в день Крещения.

12 января — день именин Татьяны.

13 января — весна 1821 г. — время действия шестой главы.

14 января — дуэль и гибель Ленского.

Весна 1821 — февраль 1822 г. — время действия седьмой главы.

Начальная дата определяется первыми стихами главы:

Гонимы вешними лучами,

С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Таянье снегов в средней и северной полосе России происходит между началом марта (1 марта — день праведницы Евдокии, в народном календаре "Авдотья-плющица"; 9 марта, на "Сорок мучеников", праздновали начало весны) и серединой апреля, когда растаявший снег вызывает разливы рек (16 апреля — день Агафии, Хионии, Ирины, в народном календаре — "Арина — урви берега"). Конечная дата может быть выведена из того, что в строфе ХLI княжна Алина сообщает как о недавнем событии, что «Грандисон» ее "в сочельник навестил". Сочельник (бывал «рождественский» и «крещенский») — канун зимних праздников Рождества или Крещения, т. е. речь идет о предпраздничном визите конца 1821 или начала 1822 г. Между тем Ларины прибыли в Москву еще по зимнему, правда, позднему ("Проходит и последний срок" — VII, XXXI, 2) пути, т. е. в феврале 1822 г.

Февраль — март 1821 г. — отъезд Онегина в Петербург.

Устанавливается на основании того, что во время переезда "деревенских Приамов" и "чувствительных дам" (VII, IV, 5–6) в деревню Онегина там "уж нет" и "грустный он оставил след" (VII, V, 13–14).

Лето 1821 г. — замужество Ольги и ее отъезд (VII, VIII–XII).

Лето 1821 г. — посещение Татьяной деревенского кабинета Онегина и чтение книг в его библиотеке.

3 июля 1821 г. — отъезд Онегина из Петербурга (начало путешествия):

Июля 3 числа
Коляска венская в дорогу
Его по почте — понесла
(VI, 476).

Конец января — февраль 1822 г. — поездка Татьяны с матерью в Москву.

1822 г. (вероятно, осень) — замужество Татьяны.

Устанавливается на основании слов князя N, который в 1824 г. говорит Онегину, что женат "около двух лет" (VIII, XVIII, 2).

Август — сентябрь 1823 г. — пребывание Онегина в Крыму:

Три года по<сле> вслед за мн<ою>
Скитаясь в той же стороне
Онегин вспом<нил обо мне>
(VI, 489).

П был в Крыму с 15 августа по середину сентября 1820 г.

Осень 1823 г. — встреча Онегина и автора в Одессе.

Август 1824 г. ссылка П в Михайловское и возвращение Онегина в Петербург.

[Недолго вместе мы бродили]
[По берегам Эвксинских вод]
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход
Онегин очень охлажденный
И тем что видел насыщенный
Пустился к неским берегам
А я от милых Южн<ых> дам
От [жирных] устриц черноморских
От оперы от темных лож
И слава богу от вельмож
Уехал в тень лесов Т<ригорских>
В далекий Северн<ый> уезд
И был печален мой приезд
(VI, 505).

П выехал из Одессы 31 июля 1824 г.

Осень 1824 — весна 1825 гг. — время действия восьмой главы.

Март 1825 г. — конец романа.

XXXIX строфа восьмой главы рисует мартовский пейзаж Петербурга

День светского человека. Развлечения

День столичного дворянина имел некоторые типовые черты. Однако те признаки, которыми отмечен день офицера или департаментского чиновника, в романе не отмечены, и останавливаться на них в настоящем очерке не имеет смысла.

Онегин ведет жизнь молодого человека, свободного от служебных обязательств. Следует отметить, что количественно лишь немногочисленная группа дворянской молодежи Петербурга начала XIX в. вела подобную жизнь. Кроме людей неслужащих, такую жизнь могли себе позволить лишь редкие молодые люди из числа богатых и имеющих знатную родню маменькиных сынков, чья служба, чаще всего в министерстве иностранных дел, была чисто фиктивной. Тип такого молодого человека, правда, в несколько более позднее время, мы находим в мемуарах М. Д. Бутурлина, который вспоминает "князя Петра Алексеевича Голицына и неразлучного его друга Сергея (отчество забыл) Романова". "Оба они были статские, и оба, кажется, служили тогда по Министерству иностранных дел. Помню, что Петруша (как его звали в обществе) Голицын говаривал, *que servant au ministère des affaires étrangères il était très étranger aux affaires* <непереводимая игра слов: французское «étrangère» означает и «иностраный» и «чужой» — "служба по министерству иностранных дел, я чужд всяких дел". — Ю. Л.>" (Бутурлин, с. 354).

Офицер-гвардеец в 1819–1820 гг. — в самый разгар аракчеевщины, — если он был в младших чинах (а по возрасту одноклассник Онегина в эту пору, конечно, не мог рассчитывать на высокий чин, дающий известные облегчения в порядке каждодневной военной муштры — просмотр ряда биографий дает колебание в чинах между гвардейским поручиком и армейским подполковником), с раннего утра должен был находиться в своей роте, эскадроне или команде. Заведенный Павлом I солдатский порядок, при котором император в 10 часов вечера был в постели, а в пять утра — на ногах, сохранялся и при Александре I, любившем, кокетничая, повторять, что он "простой солдат".^[14] "Венчанным солдатом" его именовал П в известной эпиграмме.

Между тем право вставать как можно позже являлось своего рода признаком аристократизма, отделявшим неслужащего дворянина не только от простонародья или собратьев, тянувших фрунтовую ляжку, но и от деревенского помещика-хозяина. Мода вставать как можно позже восходила к французской аристократии "старого режима" и была занесена в Россию эмигрантами-роялистами. Парижские светские дамы предреволюционной поры гордились тем, что никогда не видели солнца: просыпаясь на закате, они ложились в постель перед восходом. День начинался с вечера и кончался в утренних сумерках. Ж. Сорэн в комедии "Нравы нашего времени" изобразил диалог между буржуа и аристократкой. Первый восхваляет прелести солнечного дня и слышит ответ: "Фи, местье, это неблагородное удовольствие: солнце — это лишь для черни!" (ср.: Иванов Ив. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. — "Учен. зап. Моск. ун-та", 1895. Отд-

ние историко-филол., вып. XXII, с. 430). Просыпаться позже, чем другие люди света, имело такое же значение, как являться на бал позже других. Отсюда сюжет типичного анекдота о том, как служака-военный застаёт своего сибарита-подчиненного в утреннем дезабилье (вполне естественном для светского человека, но стыдном для военного) и в таком виде водит его по лагерю или Петербургу на потеху зрителям. Анекдоты такого рода прикреплялись и к Суворову, и к Румянцеву, и к Павлу I, и к вел. кн. Константину. Жертвами их в этих рассказах оказывались офицеры-аристократы. В свете сказанного, вероятно, проясняется странная причуда княгини Авдотьи Голицыной, прозванной "Princesse Nocturne" (nocturne (франц.) означает «ночная» и, как существительное, — «ночная бабочка»). "Ночная княгиня", проживавшая в особняке на Миллионной, — красавица, "обворожительная как свобода" (Вяземский), предмет увлечений П и Вяземского, — никогда не появлялась при дневном свете и никогда не видела солнца. Собирая в своем особняке утонченное и либеральное общество, она принимала только ночью. Это вызвало при Николае I даже тревогу Третьего отделения: "Княгиня Голицына, жительствующая в собственном доме, что в Большой Миллионной, которая, как уже по известности, имеет обыкновение спать днем, а ночью занимается компаниями, — и такое употребление времени относится к большому подозрению, ибо бывают в сие время особенные занятия какими-то тайными делами..." (Модзалевский Б. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925, с. 79). К дому Голицыной был приставлен тайный агент. Опасения эти, несмотря на неуклюжесть полицейских преувеличений, не были совсем лишены оснований: в обстановке аракчеевщины, под властью "венчанного солдата", аристократическая партикулярность приобретала оттенок независимости, заметный, хотя и терпимый при Александре I и превращавшийся почти в крамолу при его преемнике.

Утренний туалет и чашка кофе или чаю сменялись к двум-трем часам дня прогулкой. Прогулка пешком, верхом или в коляске занимала час-два. Излюбленными местами гуляний петербургских франтов в 1810 — 1820-х гг. были Невский проспект и Английская набережная Невы. Прогуливались также по Адмиралтейскому бульвару, который был в три аллеи насажен в начале XIX в. на месте обновленного при Павле гласиса Адмиралтейства (гласис — насыпь перед рвом).^[15]

Ежедневная прогулка Александра I повлияла на то, что модное дневное гуляние проходило по определенному маршруту. "В час полудни он выходил из Зимнего дворца, следовал по Дворцовой набережной, у Прачешного моста поворачивал по Фонтанке до Аничковского моста <...> Затем государь возвращался к себе Невским проспектом. Прогулка повторялась каждый день и называлась le tour

impérial <императорский круг. — Ю. Л.>. Какая бы ни была погода, государь шел в одном сюртуке..." (Воспоминания гр. В. А. Соллогуба. — В кн.: Помещичья Россия... с. 91). Император, как правило, прогуливался без сопровождающих лиц, разглядывая дам в лорнет (он был близорук) и отвечая на поклоны прохожих. Толпа в эти часы состояла из чиновников, чья служба носила фиктивный или полуфиктивный характер. Они, естественно, могли заполнять в присутственные часы Невский, наряду с гуляющими дамами, приезжими из провинции и неслужащими франтами. Именно в эти часы Онегин гулял по «бульвару».^[16]

Около четырех часов пополудни наступало время обеда. Такие часы еще явственно ощущались как поздние и «европейские»: для многих было еще памятно время, когда обед начинался в двенадцать.

Молодой человек, ведущий холостой образ жизни, редко содержал повара — крепостного или наемного иностранца — и предпочитал обедать в ресторане. За исключением нескольких первоклассных ресторанов, расположенных на Невском, обеды в петербургских трактирах были хуже по качеству, чем в Москве. О. А. Пржецлавский вспоминал. "Кулинарная часть в публичных заведениях пребывала в каком-то первобытном состоянии, на очень низкой степени. Холостому человеку, не имевшему своей кухни, почти невозможно было обедать в русских трактирах. При том же заведения эти закрывались вечером довольно рано. При выходе из театра, можно было поужинать только в одном ресторане, где-то на Невском проспекте, под землею; его содержал Доменик" (Помещичья Россия... с. 68).

«Холостую» атмосферу ресторанного обеда ярко обрисовывает П в письмах весны 1834 г. к Наталье Николаевне, уехавшей через Москву на Полотняный завод: "...явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем, и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне? Все это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beaf-steaks" (XV, 128). И позже: "Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою" (там же, 143).

Довольно полный обзор петербургских ресторанов 1820-х гг. (правда, относящийся ко времени несколько более позднему, чем действие первой главы романа) находим в одном из дневников современников: "1-го июня 1829 года. Обедал в гостинице Гейде, на Васильевском острове, в Кадетской линии, — русских почти здесь не видно, все иностранцы. Обед дешевый, два рубля ассигнаций, но пирожного не

подают никакого и ни за какие деньги. Странный обычай! В салат кладут мало масла и много уксуса. 2-го июня. Обедал в немецкой ресторации Клея, на Невском проспекте. Старое и закопченное заведение. Больше всего немцы, вина пьют мало, зато много пива. Обед дешев; мне подали лафиту в 1 рубль; у меня после этого два дня болел живот. 3-го июня обед у Дюме. По качеству обед этот самый дешевый и самый лучший из всех обедов в петербургских ресторациях. Дюме имеет исключительную привилегию — наполнять желудки петербургских львов и денди. 4-го июня. Обед в итальянском вкусе у Александра или Signor Alesandro, по Мойке у Полицейского моста. Здесь немцев не бывает, а более итальянцы и французы. Впрочем, вообще посетителей немного. Он принимает только хорошо знакомых ему людей, изготавливая более обеды для отпуска на дома. Макароны и стофато превосходны! У него прислуживала русская девушка Марья, переименованная в Марианну; самоучкой она выучилась прекрасно говорить по-французски и по-итальянски. 5-го. Обед у Леграна, бывший Фельета, в Большой Морской. Обед хорош; в прошлом году нельзя было обедать здесь два раза сряду, потому что все было одно и то же. В нынешнем году обед за три рубля ассигнациями здесь прекрасный и разнообразный. Сервизы и все принадлежности — прелесть. Прислуживают исключительно татары, во фраках. 6-го июня. Превосходный обед у Сен-Жоржа, по Мойке (теперь Донон), почти против Alesandro. Домик на дворе деревянный, просто, но со вкусом убранный. Каждый посетитель занимает особую комнату; при доме сад; на балконе обедать прелесть; сервизы превосходные, вино отличное. Обед в три и пять рублей ассигнациями. 7-го июня нигде не обедал, потому, что неосторожно позавтракал и испортил аппетит. По дороге к Alesandro, тоже на Мойке есть маленькая лавка Диаманта, в которой подаются страсбургские пироги, ветчина и проч. Здесь обедать нельзя, но можно брать на дом. По просьбе хозяин позволил мне позавтракать. Кушанья у него превосходны, г. Диамант золотой мастер. Лавка его напоминает мне парижские *ginguettes* (маленькие трактиры). 8-го июня. Обедал у Simon-Grand-Jean, по Большой Конюшенной. Обед хорош, но нестерпим запах от кухни. 9-го июня. Обедал у Кулона. Дюме лучше и дешевле. Впрочем, здесь больше обеды для живущих в самой гостинице; вино прекрасное. 10-го июня. Обед у Отто; вкусный, сытный и дешевый; из дешевых обедов лучше едва ли можно сыскать в Петербурге" (цит. по: Пыляев М. И. Старое житье. Очерки и рассказы. СПб., 1892, с. 8–9).

Настоящий отрывок характеризует положение конца 1820-х гг. и к началу десятилетия может быть применен лишь с некоторыми оговорками. Так, например, местом сбора петербургских денди в это время был не ресторан Дюме, а ресторан Талона на Невском. Однако

общая картина была та же: хороших ресторанов было немного, каждый посещался определенным, устойчивым кругом лиц. Появиться в том или ином ресторане (особенно в таком, как Талона или позже Дюме) означало явиться на сборный пункт холостой молодежи — «львов» и «денди». А это обязывало к определенному стилю поведения и на все оставшееся до вечера время. Не случайно *П* должен был в 1834 г. обедать раньше обычного времени, чтобы избегать встречи с "холостой шайкой".

Послеобеденное время молодой фронт стремился «убить», заполнив промежуток между рестораном и балом. Одной из возможностей был театр. Он для петербургского фронты той поры не только художественное зрелище и своеобразный клуб, где происходили светские встречи, но и место любовных интриг и доступных закулисных увлечений. "Театральная школа находилась через дом от нас, на Екатерининском канале. Влюбленные в воспитанниц каждый день прохаживались бесчисленное число раз по набережной канала мимо окон школы. Воспитанницы помещались в третьем этаже..." (Панаева А. Я. [Головачева]. Воспоминания. М., 1972, с. 368).

В течение второй половины XVIII и первой трети XIX вв. распорядок дня неуклонно сдвигался. В XVIII в. деловой день начинался рано: "Военные являлись на службы в шестом часу, гражданские чины в восемь и без отлагательств открывали Присутствия, а в час пополудни, следуя регламенту, прекращали свои суждения. Таким образом они весьма редко возвращались к себе домой позднее второго часа, военные же бывали в квартирах уже в двенадцатом часу <...> Частные вечера все вообще начинались в семь часов. Кто приезжал на них часов в девять или в десять, хозяин тотчас спрашивал: "А что так поздно?" Ответ бывал: "Театр или концерт задержал, кареты не дождался!" (Макаров. О времени обедов, ужинов и съездов в Москве с 1792 по 1844 год. — Щукинский сб., вып. 2. М., 1903, с. 2). В. В. Ключарев писал в 1790-е гг. И. А. Молчанову: "Могу у вас быть до седьмого часа, а в семь часов начнется бал в клубе, то всем известно". В 1799 г. званый обед у главнокомандующего в Москве гр. И. П. Салтыкова начинался в три часа, а вечер — в семь и "кончался легким ужином часу во втором полночь, а иногда и ранее" (там же, с. 4). В 1807 г. к московскому главнокомандующему Т. И. Туголмину начинали съезжаться на его вечера и балы от девяти до десяти часов. "...Записные же щеголи, по нынешнему львы, туда же являлись в одиннадцать, но это, иногда, замечалось им хозяином с неудовольствием..." (там же, с. 5). В 1810-е гг. распорядок дня еще более сдвинулся: в 1812 г. "мадам Сталь, будучи в Москве, обыкновенно завтракала в Галерее на Тверском бульваре, это бывало в два часа" (там же, с. 8).

К началу 1820-х гг. обед сдвинулся к четырем часам, время вечерних собраний — к десяти, щеголи же не приезжали на балы до полуночи. Там, где после бала имел место ужин, он проходил в два-три часа ночи.